

Научная статья
УДК 81'282.2(470.1/2)
doi: 10.17223/19986645/75/7

Названия хлеба на Русском Севере: этнолингвистический аспект

Ксения Викторовна Осипова^{1,2}

¹ Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

² Институт славяноведения Российской академии наук, Москва, Россия
^{1,2} osipova.ks.v@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются наименования хлеба в говорах Архангельской, Вологодской и Костромской областей. Привлекаются данные севернорусских диалектных словарей, а также сведения, собранные Топонимической экспедицией Уральского федерального университета. Материал рассматривается в семантико-мотивационном, этимологическом и лингвогеографическом аспектах. Выявляются единицы, характерные для общенародного языка, определяется специфически северная лексика, устанавливается ее происхождение, описываются связанные с хлебом узколокальные культурные традиции.

Ключевые слова: севернорусские говоры, лингвогеография, этимология, этнолингвистика, наименования хлеба

Источник финансирования: исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 20-18-00223 «Этимологизация и семантическая реконструкция русской диалектной лексики».

Для цитирования: Осипова К.В. Названия хлеба на Русском Севере: этнолингвистический аспект // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 75. С. 148–167. doi: 10.17223/19986645/75/7

Original article
doi: 10.17223/19986645/75/7

Names of bread in the Russian North: An ethnolinguistic aspect

Ksenia V. Osipova^{1,2}

¹ Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation)

² Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

^{1,2} osipova.ks.v@yandex.ru

Abstract. The article discusses the names of the most common types of bread, which formed the basis of the daily diet of peasants in Arkhangelsk, Vologda and Kostroma Oblasts. The material used is data from North Russian dictionaries, as well

as information collected by the Toponymic Expedition of the Ural Federal University on the territory of the Russian North, including the northeastern districts of Kostroma Oblast, which previously belonged to Vologda Province. The material is considered in the semantic-motivational, etymological and linguo-geographic aspects in order to identify the units characteristic of the common language, to determine the specifically northern vocabulary, its origin, as well as local traditions associated with bread. At the first stage of the study, the common language designations used in the Russian North (*khleb, karavay, bulka*, etc.) are considered. Further, the dialect lexemes common for northern and central Russian dialects (*kolob, kolobashek; karavashek*) are analyzed. The article concludes with a presentation with a specific northern vocabulary (*zhitnik, myakushek/myakonik, chelpan, yarushnik, yachmik*). The analysis shows that literary names acquire dialect specificity due to the specification of the type of flour used (rye or barley). The spread of their diminutive forms is due to the tradition of baking small breads often (not big ones more rarely) because barley flour was used to make bread and it quickly became stale. The specificity of Arkhangelsk vocabulary lies in the predominance of the names of bread made from barley flour (cf. the nickname *zhitniki* for the inhabitants of Arkhangelsk Oblast), while in Vologda and Kostroma vocabulary names of bread made from rye dominate. Everywhere, bread was prepared from a mixture of flour of several varieties (rye, barley, wheat or oatmeal). Often, flour surrogates were added to bread – grass, clover, flax heads, etc. (compare *kolobashek*). Wheat bread in the Russian North was a symbol of festive food, well-fed, rich life; barley bread symbolized a meager daily meal, hunger and need; their use contrasted the inhabitants of neighboring territories. The considered names of bread, due to the nutritional significance of the product itself, serve as a naive-linguistic marker of dialectal zones: lexical oppositions are revealed both in the dialects of the regions and in the districts and neighboring villages. In terms of origin, the designations of bread in the Northern Russian dialects are predominantly original, but borrowings are not uncommon: the article discusses the possible Finno-Ugric origin of dialectal *myakki (myakonek), chelpan* and *tupys*'.

Keywords: North Russian dialects, linguogeography, etymology, ethnolinguistics, names of bread

Financial Support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 20-18-00223.

For citation: Osipova, K.V. (2022) Names of bread in the Russian North: An ethnolinguistic aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 75. pp. 148–167. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/75/7

Из-за суровых климатических условий Русский Север относится к зоне рискованного земледелия. Крестьянам, издревле селившимся на этих землях, приходилось осваивать новые сельскохозяйственные культуры и способы их возделывания: так, в сравнении со среднерусской зоной на Севере существенно менялся набор возделываемых злаков. Если климат юга Вологодской области и севера Костромской позволял выращивать рожь, овес, а иногда и пшеницу, то в Архангельской области хорошие урожаи давал только ячмень, см., например, у А.А. Желтова [1. С. 47–51]. В результате именно ячменный и ржаной хлеб стали основой рациона северных крестьян: по свидетельствам из Холмогорского уезда бывшей Архангельской губ.,

«у жителей Челмохотского прихода домашняя пища в будни, более ячменный или пополам с ржаную мукою печеный хлеб, почти ежедневно приготавливаемый, из ячной крупы, муки, со сметаной или молоком щи» [2. С. 71]. Эта особенность рациона нашла отражение и в культурно-языковой традиции: большую часть севернорусской «хлебной» лексики составили названия ржаного и ячменного хлеба.

В статье мы обратимся к севернорусским наименованиям хлеба – мучных изделий без начинки и сдобы, выпекаемых на поду в печи. Все анализируемые названия записаны на территории Архангельской, Вологодской областей и северо-восточных районов Костромской области, ранее принадлежавших Вологодской губернии¹. Лексика хлебопечения и обозначения различных типов выпечки, степени ее готовности, отдельных частей хлеба достаточно последовательно и полно фиксируется «северными» словарями (см. материалы АОС [4], СВГ [5], СГРС [6] и др.), которые и послужили источником материала наряду с картотеками Топонимической экспедиции Уральского федерального университета [7, 8], работавшей на территории Русского Севера. Поскольку в рамках одной статьи невозможно охватить весь объем собранных сведений, ограничимся названиями хлеба, широко распространенными на Русском Севере, т.е. записанными не единично, а в разных районах и в нескольких словообразовательных вариантах.

Этнография хлеба – один из «коньков» многих историко-филологических исследований как XIX, так и XX–XXI вв., см., например, работы С.В. Максимова [9], А.А. Желтова [1], Т.А. Ворониной [10] и др. На севернорусском диалектном материале написаны диссертации, монографии и статьи о лексике выпечных изделий, см. работы Н.Г. Ильинской [11, 12], П.П. Виноградовой [3; 13, 14, 15], Л.С. Кितिцной [16], Т.В. Парменовой [17], А.В. Фроловой [18] и др.; традиция употребления хлеба и его обрядовая роль на фоне общеславянской традиции рассмотрены Т.Е. Гревцовой [19, 20, 21], А.В. Гурой [22. С. 337–363], А.Б. Страховым [23] и др. Однако остаются и вопросы, последовательно не рассмотренные в работах по лексике хлебопечения. Так, помимо характеристики основных наименований севернорусского хлеба, необходимо выявить лексические единицы, характерные для общенародного языка, а также специфически северную лексику и связанные с ней узколокальные культурные практики, истоки которых обусловлены инокультурным, в частности финно-угорским, влиянием. Важно учесть и культурно-языковые традиции смежных зон – Республики Карелии, Республики Коми, Новгородской, Псковской областей и Поволжья: существующие исследования К.К. Логи-

¹ «Пищевая» лексика Костромской области имеет существенные отличия. Как показывают работы П.П. Виноградовой, «наименования выпечки, зафиксированные в западной части Костромской области, в основном характерны для говоров центра европейской части России, лексика на востоке области (за рекой Унжей) включает черты, свойственные более архаичным говорам Русского Севера» [3. С. 9].

нова [24], И.С. Лутовиновой [25], Ю.И. Бойко и Т.И. Чудовой [26, 27, 28] и др., посвященные пищевой традиции этих регионов, позволяют судить об уникальности или типичности севернорусской лексики и ее истоках.

В качестве наименований хлеба на Русском Севере могли использоваться общенародные обозначения, в том числе и *хлеб*. Нередко они выступали в более узком, видовом значении, называя изделие из конкретного вида муки, например костром. *булка* ‘пшеничный хлеб’ (В-Г¹, Мез, Шенк) [4. Т. 2. С. 172], арх. *буханка* ‘круглый подовый хлеб из ржаной муки’ (Онеж, Пин) [4. Т. 2. С. 190], арх., волог. *коврига* ‘черный хлеб’: «Ковриги всё прижимают к себе и к себе режут. Коврига – черный хлеб» (Тот); «Ржаной хлеб пекут только к храмовым праздникам, свадьбам под названием ковриг» (Холм) [2. С. 72], волог. *пирог* ‘круглый пшеничный хлеб’: «Из белой муки пирог, а из ржаной – каравай» (Ник; Тот, Гряз) [7; 5. Т. 7. С. 59], *хлебiна* ‘булка пшеничного хлеба’ (Окт) [8]. Общеупотребительные наименования оцениваются как новые, пришедшие взамен диалектных наименований, ср.: «Сейчас говорят *каравай*, а у нас – *мяконек*» (Окт) [8]; «Нынче хлеб *буханками* зовут, а раньше мы звали *мякушкам*» (Выт) [6. Т. 7. С. 387].

Среди слов, имеющих широкую географию, отметим общерусское *каравай (коровай)* ‘большой круглый хлеб’, которое на северной территории чаще всего встречается в более узком значении ‘большой круглый хлеб из ржаной муки’, ср. костром. *коровай* ‘ржаной хлеб’: «Ржаной – это *каравай*, а с белой мукой – это *мяконек*» (Вох) [8], волог., костром. ‘круглый квасный хлеб, испеченный на поду в печи’ (В-Важ; Ник), ‘большой ржаной хлеб’ (Шенк) [29. С. 2166–2167; 7]; на Пинеге, вероятно, по причине отсутствия ржаной муки, *короваем* называли ячменный хлеб [29. С. 2167]. «Преобразование» *каравая* в ржаной хлеб связано с тем, что пшеничную муку на Севере практически не употребляли, заменяя на ржаную даже в праздничной выпечке. В Вологодской губернии *коровай* также выступал как мера хлеба, равная 4–4,5 кг, ср. волог. *коровай* ‘целый хлеб’ (Бел), ‘мера печеного хлеба: фунтов 10 или 12’ (Бел, Череп, Шенк) [29. С. 2166–2167].

Самыми распространенными севернорусскими наименованиями хлеба были *каравашек, колобашика, житник, мяконек* и их словообразовательные дериваты. Они служили родовыми обозначениями небольшого хлеба, обыкновенно из ржаной муки², иногда с добавлением ячменной, пшеничной или гороховой муки, и противопоставлялись таким названиям большого хлеба, как *каравай, челпан*. Многие названия ржаного хлеба стали синонимами хлеба вообще, а для хлеба из ячменной или пшеничной муки существовали специальные наименования.

¹ Список сокращений в названиях районов приводится в конце статьи.

² Ср. наблюдения П.П. Виноградовой: «Так как в Костромском крае в употребление шла преимущественно ржаная мука, то разные виды хлебных изделий, в основу названия которых положены различные мотивировочные признаки – каравай, подовик, решетник, пресник, заварной хлеб и др. – были преимущественно ржаными» [3. С. 14].

Каравашек. Уменьшительная форма *каравáшек* (*коровáшек*), *каравáшка* (*коровáшка*) ‘небольшой круглый хлеб из ржаной, пшеничной или ячменной муки’, отсутствующая в литературном языке, на Русском Севере встречается чаще, чем *каравай*: арх., волог., костром. *коровáшек* (*каравáшек*), *коровáшка* ‘хлеб из ячменной муки с примесью ржаной’ (Холм), ‘ячменный хлебец’ (Шенк), ‘маленький хлебец’ (Заонежье, Карг), ‘пшеничный хлеб’ (Кир), ‘пирог без начинки’ (Кадниковский уезд) [29. С. 2171, 2172]; «Коровашки делали, у кого есь аржаная мука, а у кого нет, делали одножитные» (Вин; Вель, Вож, Кон, Межд; Вох, Окт, Пав) [5. Т. 3. С. 38–39; 6. Т. 5. С. 67; Т. 6. С. 48, 49; 7; 8].

Судя по данным СРЯ 1891–1930 гг., распространение уменьшительной формы *каравáшек* ‘небольшой хлебец’ характерно именно для севернорусских говоров, реже она встречается в среднерусских говорах – московских, самарских, тверских, ярославских [29. С. 2172; 30. Т. 13. С. 68]. Это может быть связано с тем, что в отличие от ржаного и пшеничного хлеба ячменный хлеб, выпекаемый на Русском Севере, быстро черствел, поэтому хозяйки предпочитали выпекать его часто, но небольшого размера, ср., например, в Холмогорском уезде «в простую пору хлеб пекут из ячменной муки с примесью ржаной — под названием каровашков. Каровашки пекутся ежедневно» [2. С. 72].

По количеству съедаемых хлебов-*каравашек* считали «аппетит» семьи: «Жалуясь на недостатку хлеба, многодетные крестьяне приводят поговорку: *всемеро ватажки вертят коровашки*, т.е. на ватагу из семерых ребят надо немало короваев хлеба» (волог.) [29. С. 2171]. В Каргопольском уезде «коровашки» использовались в качестве ритуального хлеба, который раздавали нищим в поминальные дни, а вслед за этим занятие нищих здесь называлось *коровáшество*, нищие – *коровáшицы*¹, ср.: «Коровашество составляет, кажется, промысел мехренцев²» (Карг) [29. С. 2171–2172].

Колоб, колобашка. В качестве наименования хлеба на Русском Севере употребляется общенародное *колоб*, *колобок*, *колобашка* (обл.) ‘небольшой круглый хлебец’ [31. Т. 5. С. 1168–1169]. Если в среднерусских говорах *колоба́шка* употребляется как наименование пшеничного хлеба (см., например: [29]), то на севернорусской территории «колобашки» пекли из овсяной или ячменной муки, лишь в Костромской области – из пшеничной [8]:

– арх., волог. шир. распр. *кóлоб*³: «Печём колобы, таки круглы пироги с толочна» (Выт) [6. Т. 5. С. 245]; в Онежском районе Архангельской области в тесто для *колоба* добавляли рыбью печень [6. Т. 5. С. 246], что могло быть финно-угорским кулинарным заимствованием;

¹ Контекст «В Устьмоше раздают нищим, при похоронах и поминках, так назыв. коровашки (хлебцы), отчего нищие, принимающие их, называются “коровашницами”» (Карг) [29. С. 2171] не позволяет точно восстановить начальную форму слова.

² Вероятно, жители бассейна р. Мехреньга.

³ *Колоб* в значении ‘жаренная в масле пшеничная лепешка; небольшая лепешка с начинкой’ в рамках данной статьи не рассматривается.

– волог. *колобан*: «Колобан хоть из какого теста – круглый коровайчик безо всякой начинки»; «Колобан – хлеб из черной муки» (Ник; К-Г) [7; 6. Т. 5. С. 247; 5. Т. 3. С. 84], арх. *колоба́ха* (Лен) [7]. Небольшой *колобан* противопоставляли большому *челтану* или ржаному *караваяу*: «Челтан большушший, а *колобан* длинноватенькой поменьше»; «Колобан белой, а этот аржаной *каравай*» (Ник) [6. Т. 5. С. 247];

– арх., волог., костром. шир. распр. *колоба́шек*, *колоба́шка*, *колоба́шечка*, *колобе́нька*, *колобо́чек*, *колобу́шка* и т.п.: «Большие ковриги, а маленьки – *колобашки*» (Выт); «Колобушки с собой брали на покос, там и ели» (Гряз) [6. Т. 5. С. 247–248, 250].

Еще одна особенность употребления севернорус. *колобашек* состояла в том, что на Русском Севере так называли хлеб, выпекаемый с добавлением суррогатов муки – травы, клевера, головок льна, прошлогоднего картофеля и пр., ср. костром. «Домой придёшь, поглядишь на эти *колобашки*, дак и есть неохота. Из травы-то напечёны *колобашки* в войну-то» (Вох); «Картошку найдёшь гляную, с трахмалом – *колобушек* напекошь»; «Ели кукольские *колобушки*»; «Надоели мне *бараки*, / *Надоели* мне *быки*, / *Ну а больше надоели / Колобушки без муки*» (Пыщ) [8]; волог. «Мать в войну *колобанов* настряпала из одной травы» (В-Уст) [6. Т. 5. С. 247]; волог. «Ранее пекли не хлеб, а *колобушки*, всячины там накладено»; «Из маковок *колобушки* всё пекли прежде» (Гряз); «Колобушки пекли, кто из клевера, кто из дудок» (Устюж) [6. Т. 5. С. 250]. Выбор основы *колоб-* для обозначения суррогатного хлеба обусловлен тем, что традиционно это были небольшие хлеба, которые, в отличие от хлебов большего размера, возможно было сформировать из теста с суррогатными добавками и выпекать чаще, чтобы есть в свежем виде, в котором такой хлеб был более «съедобным».

Мяконик. Судя по количеству фиксаций и словообразовательных вариантов, одним из самых распространенных названий хлеба, особенно в Вологодской области, было *мякка*, *мяккий*, *мяконик*, *мяхкий*, *мякушка*, *мяхкушка* ‘небольшой круглый хлеб, обычно из смеси ржаной и ячменной муки или ржаной муки с овсяной’: «Рожь да ячмень вместе смешивашь, печёшь *мякки*» (Котл) [6. Т. 7. С. 383–385, 396]; «Мяконики на поду пекли большиё, круглые, больше из сутолоки» (К-Г, Ник) [7]; костром. *мяконек*, *мяконик*, *мяконька*: «Большой хлеб, так *каравай*, а поменьше, так *мяконек*, пышный такой»; «Каравай да *мяконьки* – *каравай* ржаные, *мяконьки* – рожь со пшеницей» (Вох, Окт, Пав) [8]. В центральных районах Вологодской области так называли и хлеб из белой муки: «Изо ржаного *коровай*, из пшенишной муки небольшие *мякушки*» (Вашк; Бел) [6. Т. 7. С. 387]. Чаще всего *мякушки* противопоставлялись большому *караваяу*, иногда – изделиям из более грубой муки: «*Мяконьки*, они невысокие, круглые, *каравай* высокий» (Вох) [8].

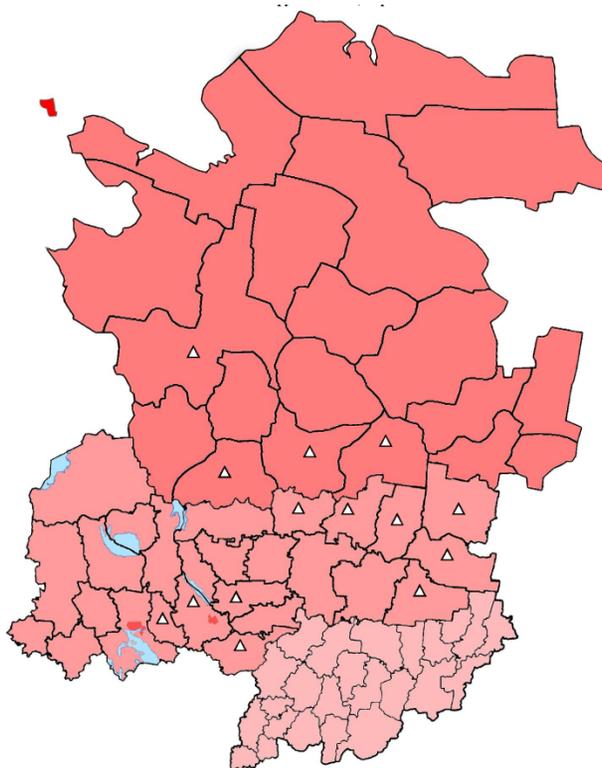
Основные свойства «мякоников» из ржаной и пшеничной муки – мягкость и пышность: «*Мякки* пекутся из житного теста и получаются очень *мягие*, если удачно» (В-Уст); «Хлеб любой *мяккий* *мякушкой* называем» (Череп) [6. Т. 7. С. 384, 387]. Мягкость особенно чувствова-

лась при сравнении ржаных «мякони́ков» с ячменным хлебом, который получался более плотным и грубым. Не случайно в архангельских говорах противопоставлялись *мякушки* и *житники* как названия ржаного и ячменного хлеба, ср. арх. «Из ячменя *житники*, из ржи – *мякушки*» (Прим; Онеж) [6. Т. 7. С. 387]. В Костромской обл. встречается шутовое наименование ржаных «мякони́ков» – *старушечий пирог*: «Мякони́ки-те звали старушечьи пироги, беззубые или» (Пав) [8]. Признак «мягкости, пышности» прослеживается и во вторичных значениях слов *мяконе́к*, *мякушка*, ср. костром. *мяконе́к* ‘о полном, невысоком человеке’: «Если парень маленький, сдобненький да потолще – мяконе́к он» (Вох) [8], волог. *мякушка* ‘пухлый, толстый ребенок’ (Бабуш) [6. Т. 7. С. 387].

Несмотря на это, сближение названий *мякки*, *мякони́к* и прил. *мягкий* следует считать результатом позднейшей контаминации двух форм – исконной (ср. литер. *мякиш* ‘о внутренней части хлеба’, противопоставление *мягкий* – *черствый* хлеб) и заимствованной. О.В. Востриков полагает, что «рассматриваемые слова связаны с русск. *мягкий*, во всяком случае, образование различных диалектных форм происходило под воздействием этого слова. Но источником могли послужить и прибалтийско-финские языки: ср. фин. *töykkä* “большой каравай”, карел. *töykkü* “(хлебный) комок, хлебный каравай” <...> Развитие форм шло, вероятно, следующим путем: *töykkä* > *мякки* > *мягкий* > *мякони́кий* > *мякони́к*. Возможен также путь *мягкий* (диал. *мяккой*) > *мякони́к*» [32. С. 11]. Действительно, морфологическое словообразовательный ряд севернорусских названий хлеба с корнем *мяк-/мяг-* представлен всеми перечисленными О.В. Востриковым переходными формами, а значение прибалтийско-финского этимона ‘хлебный каравай’ прослеживается и в семантике рус. *мякони́к*, называющего в том числе и целый, непочатый коровай хлеба, ср. костром. *мяконе́к* ‘хлеб круглой формы’: «Ещё мякони́ками называли – тоже такой круглый. Кто каравай называет, кто мяконе́к» (Окт) [8], арх. *мякушка* ‘каравай’ (Карг) [33. С. 162]. Версии о заимствованном происхождении диал. *мякки* ‘хлеб’ придерживается и А.Е. Аникин [34. С. 416–417].

Вероятно, свойство мягкости могло быть приписано «мякони́кам» отнюдь не недавно. Изначально же, как отмечал еще О.В. Востриков, *мякони́ки* обозначали достаточно грубый ячменный хлеб, который к тому же быстро черствел, ср. волог. «Хоть он век *чёрствой*, а *мяккой* звали, *мякки* на ночевочках накают из разных мук» (В-Уст) [6. Т. 7. С. 384]. Показательно, что *мякушкой* называли и хлеб с добавлением толченой соломы, сосновой коры, сушеной рыбы, картофеля (Выг) [35. С. 154], который заведомо не мог получиться мягким.

Подытоживая сказанное, согласимся с С.А. Мызниковым, что «в настоящее время не вызывает сомнения мотивация на исконной основе, при наличии сходных прибалтийско-финских данных» [36. С. 514]. В севернорусских говорах заимствование *мякони́к* полностью «переродилось» и, вместе с новыми генетическими связями, обрело «вторую жизнь».

Распространение лексемы *чалтан, челтан, чёвпан, чулпан* 'круглый хлеб, каравай'

Таким образом, сущ. *колобашка, каравашек* и *мяконик* были универсальным обозначением хлеба и в зависимости от района могли называть хлеб из любого типа муки, однако «колобашки» чаще, чем другие хлеба, готовили из смешанной муки, а «каравашки» и «мяконики» – из ржаной и пшеничной. Согласно данным Словаря русских народных говоров название *колоб* и однокоренные ему лексемы были распространены в русских говорах практически повсеместно, тогда как сущ. *каравашек* употреблялось преимущественно на Русском Севере, в некоторых случаях проникало на более южные и западные территории – Кировской, Новгородской, Тверской и Ярославской областей [30. Т. 13. С. 68]; *мяконик* же являлся специфически севернорусским [30. Т. 19. С. 76–82].

Челтан. В центральных и северо-восточных районах Вологодской области, а также на юге Архангельской области в качестве обозначения всякого хлеба или хлеба из ржаной и пшеничной муки использовались слово *челтан* и его фонетико-словообразовательные варианты, имеющие значение:

– 'булка хлеба' – арх., волог. *чалтáн, челтáн, чултáн, челтáшек, чолтáн* 'круглый хлеб, каравай' (Вель, Кон, Плес, Уст; В-Важ, Вологод, В-Уст, К-Г, Кир, Ник, Тарн, Шексн) [7; 5. Т. 12. С. 26; 37. С. 512]; «Хлеба-то чел-

пана два возьми» (В-Важ; К-Г) [5. Т. 12. С. 26]; «Раньше хлеб чалпаном пекли, а не буханками» (Шексн) [7];

– ‘ржаной хлеб’ – волог. *челпан* ‘подовый хлеб из ячневой или ржаной муки’: «К празднику я вам чеупанов напеку» (Сок) [5. Т. 12. С. 26], арх. *чѣпан* ‘ржаной хлеб круглой формы’ (Уст), волог. *чалпан* ‘хлеб или лепешка из ржаной муки’: «Продолговатые чалпаны пекли» (В-Важ; Сок, Тарн) [7]¹;

– ‘пшеничный хлеб’ – волог. *челпан* ‘каравай из пшеничной муки’: «Челпан белый простой пирог, безо всего»; «Больше челпаны, не в форме, хлеб печется в форме» (Вологод; Гряз, Сок, Шексн) [7; 5. Т. 12. С. 26];

– ‘овсяный или ячменный хлеб’ – волог. *челпан* ‘хлеб из овсяной муки’ (Тарн, В-Важ) [5. Т. 12. С. 26]; арх. *чеплянчик* ‘хлеб из ячменной муки’ (Уст) [7].

Главным отличительным признаком «челпана» была округлая форма, отличавшая его от формового хлеба.

Существует несколько версий происхождения слова *челпан*, учитывающих его другое, весьма распространенное значение – ‘горка, возвышенность’². Славянскую этимологию предложил М. Фасмер, сопоставив диал. *челпан* с рус. *чело*; ЭССЯ возводит слово к праслав. **сьлръ*, соотнося с чеш. стар. *člup* ‘холм, бугор’, *člupek* ‘подъем, дорога в гору’ и др. [39. Т. 4. С. 144]. Однако многие исследователи, учитывая северный ареал распространения слова, предполагают его заимствование из финно-угорских языков. По мнению И.С. Лутовиновой, слово «челпан попало в северо-западные говоры из финских, а затем вместе с колонизацией славянами северных территорий распространилось и на восток» [25. С. 92–93]. О.В. Востриков поддерживает версию А.К. Матеева, что «слово заимствовано из финно-угорского языка, близкого к саамскому языку», и сравнивает его с саамскими формами в значении ‘высокий клинообразный предмет (гора, возвышенность, камень)’: «Возможно, *челпан*, *чолпан* представляют собой контаминацию исконного и заимствованного слова» [32. С. 25].

А.Е. Аникин согласен с саамским происхождением *чалпан* (1) ‘небольшая круглая возвышенность’ и *чалпан* (2) [34. С. 666–667], полагая, что *чалпан* (2) ‘ком масла; кожаный мешок для масла; каравай хлеба’ может быть метафорой к саамскому заимствованию *чалпан* (1) ‘возвышенность’ [34. С. 666–667]. Однако обратим внимание, что, следуя традиционной логике семантических переносов, наиболее типично для географической терминологии и топонимии развитие значения от ‘хлеб’ к ‘горка, возвышенность’. Именно круглый хлеб – *каравай*, *каравашек* и др. – принимается за эталон круглой формы в народной географической

¹ Ср. волог. *челпан* ‘выпеченная смесь из ржаной муки и толченой картошки, используемая для приготовления кваса или пива: «Кому неохота рожь растить, варивали и с чалпаном дома» (Нюкс) [7], ‘хлеб из ржаной муки и картофеля’ (Ник) [5. Т. 12. С. 26].

² Подробнее о географических значениях термина см., например: [36. С. 867–868; 38. С. 125–126].

терминологии (а не наоборот), ср. волог. *коровáй* ‘круглая горка’ (Ник) [6. Т. 6. С. 47], арх., волог., костром. *коровáшек* ‘небольшой холм, горка’: «Бегали на коровашек в лес. Он метров семь или восемь был. Никакого дерева не было. Бугор, дак коровашек» (Окт; Вох) [8], ‘поляна, окруженная лесом’: «Коровашек попал с цветам. Коровашек скосили какой» (Пав) [8]; «Один коровашик разъединят болото» (В-Важ; В-Т) [6. Т. 6. С. 48, 49], волог. ‘песчаный круглый остров на реке’: «На реке коровашки бывают, если круглый – то коровашек, песком наносок» (Сок) [6. Т. 6. С. 48]. Также возможно употребление хлебного образа как меры земли, ср. волог. *коврига* ‘участок земли’: «Коврига – по-теперешнему сотка, а раньше – коврига» (Ник) [7].

Образ хлебного каравая встречается как метафора самых разных предметов округлой формы, ср. волог. *челпáн* (*челпáшек*) ‘вынутые из посуды хлеб, масло, сохраняющие круглую форму’: «Хлеб вывалят, он смотрит челпаном, масло из кринки челпашек такой» (В-Уст) [7]; арх. *коровашек* ‘нарост на стволе дерева’: «Дерева-то с коровашком, как с большим животом» (Холм) [6. Т. 6. С. 48]; арх. *жítник*, *ярушник* ‘нарост, рубец’: «С Едьмы баба лежала, операцию сделала, экой лежал ярушник, россасывался. Тут лежал житник (рубец)» (Уст) [4. Т. 14. С. 156]; киров. *коровашек* ‘округлые корнеплоды’: «В землю блошкой, а из земли коровашком» (загадка: репа) [29. С. 2171]; арх. *коровáй*, *коровáтик* ‘гриб’: «Коровай – настоящий гриб, как белый, только шапочка коричневая» [6. Т. 6. С. 47]; арх. *каравáшка* ‘цветок ромашки’ (В-Т) [6. Т. 5. С. 68]; арх. *коровáй* ‘навозная лепешка’ (Леш) [6. Т. 6. С. 47]; волог. *ковры́га* ‘пласт земли’ (Ник) [7]; костром. *коровáшек* ‘то же’: «Земельки выкипел такой вот коровашек ли чего ли» (Окт) [8].

Если принять, что *челпан* (1) ‘горка, возвышенность’ заимствовано «из финно-угорского языка, близкого к саамскому» [40], то, учитывая особую сконцентрированность хлебных значений *челпана* на северо-восточных территориях Вологодской области, можно предположить, что *челпан* (2) ‘хлеб’ был заимствован из языка коми, где до сих пор регулярно употребляется¹. Как считают авторы этимологического словаря коми языка, русская форма восходит к коми *чөвпан* ‘круглый ржаной хлеб, коврига, каравай, булка’²; *чöлтон* ‘круглый ржаной хлеб, коврига, каравай, булка’: «Сложное слово, ср. *чөв* (*чöл*) вв. ‘лопатка для теста (муки)’ (соб.), *-пан* (<*роп, ср. сс. *Чöлтон*) ‘конец’, первоначально ‘конец лопатки (для теста)’, ‘хлеб (тесто) в количестве одной лопатки» [42. С. 310]. Иноязычное происхождение слова определяет вариативность его фонетического облика, ср. *челпан*, *чалпан*, *чолпан*, *чувпан*, *чөвпан*.

А.Е. Аникин полагает, что версия коми-заимствования не объясняет значения ‘пузырь для масла’ [34. С. 666–667], но выше обозначенные мо-

¹ Коми-версия объясняет и присутствие *челпáн* ‘круглый хлеб из ржаной муки, каравай’ в пермских говорах [41. Т. 2. С. 525].

² Об употреблении коми кислого ржаного хлеба *тупöсь* или *чöлпан* свидетельствуют этнографические наблюдения [27. С. 96].

дели семантических переносов, в том числе встречающиеся на Русском Севере ‘каравай хлеба’ > ‘предмет округлой формы: корнеплоды, грибы, ком масла и др.’, делают развитие значения от ‘каравай’ к ‘пузырь для масла’ вполне вероятным. Можно также предположить, что *челпан* (1) и (2) были заимствованы из разных финно-угорских языков и в разные исторические периоды. Это допущение находим и у А.К. Матвеева (хотя круг возможных языков он ограничивал саамскими): «приходится считаться с возможностью, что исследуемое слово восходит к различным родственным источникам (языкам или диалектам), близким к саамскому языку, и было заимствовано русскими говорами в ряде значений» [40].

В лексике севернорусских говоров примеры заимствования названий хлеба из пермских языков не единичны. Помимо сущ. *челпан*, к заимствованиям можно отнести *сор-* (*соричник*, *сорища* ‘мука из нескольких сортов зерна; хлеб из такой муки’ в сопоставлении с общеперм. **sör-* ‘размешивать, мешать’) [42. С. 261], а также волог. *тупысь*, *тупыски* ‘небольшой хлебец, коврижка из пшеничной или ржаной муки’: «Покушайте наших тупысков» (Яренский уезд), волог. *тупысь* ‘ситный хлебец’, коми (рус) ‘о толстом, полном человеке’ [30. Т. 45. С. 260]. Для последнего Я. Калимой предложена этимология из коми *тупось* ‘круглый ржаной хлеб, каравай, коврига’ [43. С. 116]. Как отмечают этнографические исследования, в зависимости от размера коми различали хлеб *тупось* ‘небольшой ржаной подовый хлеб’ и *чёлпан* ‘круглый ржаной хлеб большого размера’ [28. С. 63–64, 96, 105]. Наличие подобной системной оппозиции в языке коми делает возможным параллельное заимствование в севернорусские говоры форм *тупось* и *чёлпан* как наименований хлеба разного размера.

Хлеб из ячменной муки. Основу питания в Архангельской области составлял ячмень, который хорошо произрастал именно на северных территориях: «Ячмень вызревает за более короткий период, чем рожь, поэтому его выращивали, например, в Архангельской губернии, где короткое лето не позволяло использовать другие культуры» [1. С. 47]. По данным А.А. Желтова, в Архангельской области посевы ячменя составляли 90 и более процентов всех посевов, тогда как на юге Вологодской области – всего 2–3 процента с постепенным повышением к северу [1. С. 48].

Житник. Если в среднерусских и южнорусских говорах слова, восходящие к общенародному *жито*, обозначали всякий зерновой, немолотый хлеб (ср. вят., ряз. [44. Т. 1. С. 544]) или рожь (южн. [44. Т. 1. С. 544]), то на Русском Севере так называли ячмень, ячменную муку и изделия из нее. Хлеб и пироги из «жита» были самой привычной пищей – далеко не случайным кажется контекстное сопоставление слов *житное*, *житники* и *жить*: арх. «И всю жизнь ели *житно*, *житники* ели» (Прим) [4. Т. 14. С. 159]. Слово *житник* ‘небольшой круглый хлеб из ячменной муки’ встречается повсеместно в Архангельской области и в некоторых районах Вологодской области (В-Важ, Выт, Кир, Устюж): арх., олон. *житник* (*житничек*) ‘ячменный хлеб, наполовину с ржаной мукой’ (Выт), ‘хлеб из

ячменной муки' (Карг, В-Уст, Шенк) [29. С. 556–557]; «Раньше житники пекли, низкие, широконыки; их не ломали – резали» (В-Т) [6. Т. 3. С. 374].

Множество фонетических и словообразовательных вариантов наименования говорит о широком распространении ячменного хлеба: как показывают данные Архангельского областного словаря, наибольшая концентрация «житных» названий приходится на север и северо-восток Архангельской области, ср. *жидик* (Холм) [4. Т. 14. С. 72], *жидней хлеб*, *жидней ко́лоб* (Мез), *жидник* (Мез, Пин, Карг), *жидничек*: «С жидничком придут на суботку девушки» (Пин; Мез) [4. Т. 14. С. 77–78]¹, *житик* (Леш), *житень* (Плес), *житное* (Плес, В-Т, Вин, Прим), *житней ко́лоб*, *житней хлеб* (Онеж, Леш, Мез, Пин, Прим, Плес, Холм), *житной коровай* (*коровайшек*, *коровайшечек*) (Вин, Кон, Нянд, Холм, Шенк), *житной челташек* (Плес) и др. [4. Т. 14. С. 152, 153, 155, 159, 161, 162]. Хлеб, который пекся из сочетания ячменного дрожжевого (верх) и недрожжевого (низ) теста, считался праздничным: «Житники только в праздники» (Плес, Карг, Нянд, Шенк) [4. Т. 14. С. 157]. По небольшому размеру *житники* противопоставлялись *короваю* и *мякушкам*: «*Каравай* большой, а *житница* – маленька булочка» (Вель) [6. Т. 3. С. 374, 375]; «Сядни *житники* пекли. *Мякушки*-то большие, а эти небольшие» (Онеж) [7].

Именно в Архангельской области записаны прозвища, отмечающие пристрастие ее жителей к *житникам*, ср. пинежское прозвище *житник сырой*, а также *Житники* 'неофициальное название сельсовета Ленского района' [4. Т. 14. С. 157], 'жители деревень вокруг г. Архангельска': «Прозвище, даваемое жителями Архангельска и Соломбалы обитателям подгорных деревень: "Не люблю я этих житников". "Ах, вы житники!"», ср. *житники* 'жители д. Шухтино Кирилловского района Вологодской области' [45. С. 117]. Житный хлеб считали символом бедности и скудости рациона, ср.: *Старый муж рад и годовалому житнику, троеденной каше; Уж я рад годовалый житник есть* [29. С. 556]. Н.И. Костомаров в работе о «севернорусских народоправствах» упоминает противопоставление бедных крестьян-*житников*, употреблявших ржаной хлеб, и богатых *пшеничников*: «По вековому обычаю поднимались бедные на богатых, житники на пшеничников; начались смуты и нестроения» [29. С. 556].

Ячник. В Вологодской области на смену архангельскому наименованию *житник* приходит *ячник* 'постная коврига, каравай из ячневой муки' (В-Уст, Тарн) [5. Т. 12. С. 139; 7]². Технология приготовления «ячников» отражает особую севернорусскую традицию выпекать мучные пироги из смеси двух сортов муки или с использованием двух типов теста. Они не имели начинки в классическом понимании, но представляли собой двухслойный пирог, в котором на нижний ржаной сочень наливали слой яч-

¹ Формы с *жид-*, вероятно, отражают результат регрессивной ассимиляции по звонкости под влиянием последующего суффикса *-н-*.

² К этому же гнезду можно отнести *éшник* 'небольшой круглый хлебец из белой муки с примесью ячменной' (Вож) [6. Т. 3. С. 333].

менного теста, ср. волог. *я́ичник, я́чень (ячмѐнник), я́чник* ‘постная коврига, каравай из ячневой муки’: «Сочни для яшника из ржаной муки делали, на них закладывали тесто из ячменной муки, сочни зашпыивают» (Кир) [5. Т. 12. С. 127, 139]. В Вологодской области употребление ячменных пирогов было знаком крайней бедности и нужды: «Коуды голод быу, яичники да гороховики пекли» (Кир); «Когда хлеба-то не было, так яшники пекли» (Сямж) [5. Т. 12. С. 139].

Ярушник. Словом *ярушник* называли небольшой ячменный хлеб в Вологодской области и в некоторых районах Архангельской области: «Челпан-от – ржаной хлеб, а ешшо ячменный пекли – так ярушники» (Уст); «Ярушники-то ничем не наливали, пустые были, а ярушники – потому что из яровой муки пекли» (М-Реч; В-Уст, К-Г, Ник; Лен) [7; 5. Т. 12. С. 136; 137], ср. также запись XVIII в. – *ярушник* «ячменной хлеб» (Устюж) [46. С. 447]. Слова *ярушник* и *ячник* как наименования ячменного хлеба распространены преимущественно на Севере: *ярушник* и/или однокоренные ему лексемы фиксируются исключительно в северных говорах – пермских, тобольских, русских коми-пермяцких и новгородских; *ячник* – в ярославских и пермских говорах.

Нередко наблюдается родовидовой сдвиг значения: так, в Кичменгско-Городецком и Никольском районах Вологодской области *ярушники* – это хлеб из нескольких сортов муки: «Ярошник – это яровой пирог, из ячменя, ржи да овса намешашь» [7]; на юго-востоке Архангельской области – из ржаной (Вил, Котл, К-Б, Уст) или пшеничной муки, иногда с добавлением ячменной («Ерушники по праздникам пѣкли» – Уст; В-Т, К-Б, Уст) [7; 6. Т. 3. С. 329]; в Костромской области – из овсяной или смешанной муки. Широкий семантический спектр позволяет восстановить более раннее значение слова *ярушник*, которым называли всякий хлеб, приготовленный из зерен яровых культур – к яровым же в зависимости от климата и сельскохозяйственной специфики региона относились пшеница, рожь, ячмень или овес.

Хлеб из пшеничной муки. Поскольку пшеница на Русском Севере практически не выращивалась и пшеничную муку крестьянам приходилось покупать, хлеб из нее появлялся на столе крайне редко, исключительно в праздничные дни, ср.: «К праздникам пшеничники надо испекчи, мяконьки, пшеничную мучку давали» (Вох) [8]. Пшеничный хлеб не пекли во время постов, считая его лакомством: арх. «Пшеничник пекли токо по праздникам у нас дома, а в говиньё нет, упаси Бог» (Вель); «Завтра масленица, дак сам Бог велел пшеничник спечь. В простые-то дни из пшеничной муки ничего не стряпаем» (В-Уст) [5. Т. 8. С. 114]. Хлеб из пшеницы был символом богатой, сытой жизни и противопоставлялся выпечке из растительных суррогатов, которую ели в голод, ср. костром. «Мы траву ели, а они – пшеничники. У них пшеница росла» (Окт) [8].

Как видно из приведенных контекстов, чаще всего такой хлеб называли *пшени́чник* (арх.: Лен., Уст.; волог., костром. шир. распр.) [5. Т. 8. С. 114; 7; 8]. Другое распространенное название арх., волог. *белое* (Холм) [4. Т. 1. С. 157; 7] строилось на цветовом противопоставлении «белый –

черный» / «пшеничный – ржаной». На более южных территориях пшеничная мука называлась *крупчатка*, а хлеб из нее – *крупчатый*, *крупчатник* (Пав) [8]. Позднее появилось название *ситный хлеб*, *ситное*: «*Пшеничник* – раньше не было белого-то хлеба. Стали возить, так звали *ситное*, а я и не знала, что это такое *ситный хлеб*, а это белый хлеб, но у нас так не говорили, а *пшеничники*» (Вох) [8], арх., волог. *ситник*, *ситничек* [30. Т. 37. С. 354–355].

Выводы

1. Наименования хлеба на Русском Севере представлены: 1) общенародными словами (*хлеб*, *каравай*, *булка* и пр.), приобретающими севернорусскую специфику за счет конкретизации используемого типа муки (в основном ржаной и ячменной); 2) диалектными лексемами, общими для северных и среднерусских говоров (*колоб*, *колобашек*; *каравашек*), но заключающими в значении указание на размер или тип муки (в основном так назывались изделия из ржаной, ячменной, овсяной муки или их смеси); 3) специфически северной лексикой (*житник*, *мякушек* / *мяконик*, *челпан*, *ярушник*, *ячник*).

2. Наиболее многочисленны наименования небольшого ржаного и ячменного хлеба, который был частью повседневного рациона. Специфика архангельской лексики заключается в преобладании названий хлеба из ячменной муки, вологодской и костромской – из ржаной. Повсеместно готовили хлеб из смеси муки нескольких сортов (ржаной, ячменной, пшеничной или овсяной).

3. Наименования хлеба в севернорусских говорах являются преимущественно исконными, однако нередки и заимствования из финно-угорских языков, ср. *мякки* (*мяконек*), *челпан* и *тупысь*.

4. В лексике севернорусских говоров устойчиво прослеживается «хлебный» код, например в наименованиях природных объектов круглой формы: возвышенность, поляна в лесу, древесные наросты, грибы и пр.

5. Рассмотренные названия хлеба в силу его пищевой значимости служат наивнолингвистическим маркером диалектных зон: в контекстах выявляются лексические оппозиции, противопоставляющие формы, распространенные на смежных территориях. Различия наблюдаются как на уровне говора регионов (например, говора Вятки и пограничных территорий Костромской области), так и районов и соседних деревень. Среди подобных междиалектных синонимов отметим¹:

мяконьки (костромское) – *колобы* (вятское): «У нас называют вот стряпали, допустим, *мяконьки*, у их – *колобки*, *колобы*»; «Это они чувверкали: хлеб дак какой-то *колобяшкой* назовут, а мы уж *каравай* или *мяконек* – они всё шиворот-навыворот говорили <о приезжих с Вятки>»; «У них <ветчанят> слова как бы исковерканы: у нас *мяконек* – у них *колоб*, у нас *холодец* – у них *дрыганица*» (Вох) [8];

¹ На первом месте указывается название, которое диалектоноситель считает «своим».

короваики (Тотемский район) – *челпаны* (Вологодский район) – *пока-тушники* (Каду́йский район): «У нас *короваики*, в Вологодском районе *челпаны́*, а в Заозерье *пока-тушники*. Хохочем над имя» (Тот) [7];

короваики – *житники*: «Сѣдни напекла *короваиков*, а в Смольянице – *житников*» (Вель); «Здесь сами пекли хлеба, *житники*-то называли *короваики*» (Нянд) [б. Т. 6. С. 48, 49];

житники (Каргопольский район) – *ярушники*: «*Житники* пекли из ячменя, в других краях *житники ярушниками* звали» (Карг) [б. Т. 3. С. 374].

6. Пшеничный хлеб на Русском Севере был символом праздничной пищи, сытой, богатой жизни, ячменный – скудной ежедневной трапезы, голода и нужды. Их употребление противопоставляло жителей соседних территорий (ср. *житники* и *пшеничники*) и разного материального положения. Житниками называли преимущественно жителей Архангельской области.

Список сокращений

Бабуш – Бабушкинский район Вологодской области; Бел – Белозерский район Вологодской области; Вашк – Вашкинский район Вологодской области; В-Важ – Верховажский район Вологодской области; Вель – Вельский район Архангельской области; Вин – Виноградовский район Архангельской области; Вож – Вожегодский район Вологодской области; Вологод – Вологодский район Вологодской области; Vox – Voxомский район Костромской области; В-Т – Верхнетоемский район Архангельской области; В-Уст – Великоустюгский район Вологодской области; Выт – Вытегорский район Вологодской области; Гряз – Грязовецкий район Вологодской области; Карг – Каргопольский район Архангельской области; К-Б – Красноборский район Архангельской области; К-Г – Кичменгско-Городецкий район Вологодской области; Кир – Кирилловский район Вологодской области; Кон – Коношский район Архангельской области; Котл – Котласский район Архангельской области; Лен – Ленский район Архангельской области; Леш – Лешуконский район Архангельской области; Межд – Междуреченский район Архангельской области; Мез – Мезенский район Архангельской области; Ник – Никольский район Вологодской области; Нюкс – Нюксенский район Вологодской области; Нянд – Няндомский район Архангельской области; Окт – Октябрьский район Костромской области; Онеж – Онежский район Архангельской области; Пав – Павинский район Костромской области; Пин – Пинежский район Архангельской области; Плес – Плесецкий район Архангельской области; Прим – Приморский район Вологодской области; Пыщ – Пыщугский район Костромской области; Сок – Сокольский район Вологодской области; Сямж – Сямженский район Вологодской области; Тарн – Тарновский район Вологодской области; Тот – Тотемский район Вологодской области; Уст – Устьянский район Архангельской области; Устюж – Устюженский район Вологодской области; Холм – Холмогорский район Архангельской области; Череп – Череповецкий район Вологодской области; Шенк – Шенкурский район Архангельской области.

Список источников

1. *Желтов А.А.* Историко-культурное развитие населения Верхней Ваги и средней Сухоны, XIX – начало XX вв. М., 2000. 329 с.
2. *Ефименко П.С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. 1: Описание внешнего и внутреннего быта. М., 1877. VII, 221 с.

3. *Виноградова П.П.* Лексика по теме «печёные изделия из муки» в костромских говорах: ономаσιологический, структурно-семантический и ареальный аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2013.
4. *Архангельский областной словарь* / под ред. О.Г. Гецовой. Вып. 1–. М., 1980–.
5. *Словарь вологодских говоров*. Вып. 1–12. Вологда, 1983–2007.
6. *Словарь говоров Русского Севера* / под ред. А.К. Матвеева. Екатеринбург, 2001–. Т. 1–.
7. *Картотека «Словаря говоров Русского Севера»* (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).
8. *Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета* (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).
9. *Максимов С.В.* Куль хлеба и его происхождения. СПб., 1873. 227 с.
10. *Воронина Т.А.* Пища и утварь // *Русский Север : этническая история и народная культура XII–XX века* / отв. ред. И.В. Власова. М., 2004. Гл. 7. С. 367–424.
11. *Ильинская Н.Г.* Лексика, обозначающая выпечные изделия (на материале архангельских говоров) : дис. ... канд. филол. наук. М., 1986.
12. *Ильинская Н.Г.* К проблеме системных отношений в лексике. Лексико-семантическая группа «Выпечные изделия» в архангельском диалекте. М., 1998. 320 с.
13. *Виноградова П.П.* Общие названия выпечных хлебных изделий в говорах Костромской области как материал для ЛАРНГ // *Лексический атлас русских народных говоров: (Материалы и исследования)*. Институт лингвистических исследований РАН. СПб., 2008. С. 268–275.
14. *Виноградова П.П.* Лексико-семантическое своеобразие наименований обрядовой хлебной выпечки костромского края // *Вестник Костромского государственного университета*. 2018. № 4. С. 178–181.
15. *Виноградова П.П.* Словарь костромских топонимов, связанных с названиями выпечных изделий, как раздел словаря хлебной лексики костромского края // *Ономастика Поволжья : материалы XVIII Международной научной конференции*. Кострома, 9–10 сент. 2020 г. : в 2 т. Кострома, 2020. С. 311–314.
16. *Китицына Л.С.* Хлеб : Из материалов по народному питанию Костромского края // *Труды Костромского научного общества по изучению местного края*. Вып. 41. Кострома, 1927. С. 92–102.
17. *Парменова Т.В.* Лексика, связанная с приготовлением выпечных изделий, в режском говоре // *Народная речь Вологодского края. Между прошлым и будущим*. Вологда, 2015. С. 55–74.
18. *Фролова А.В.* Хлеб в праздничной и обрядовой пище русских Архангельского Севера начала XX века // *Традиционная культура*. 2020. Т. 21, № 4. С. 149–157.
19. *Гревцова Т.Е.* Названия обрядового хлеба как мотивирующая основа терминов восточнославянской свадьбы (ареальный аспект) // *Научный диалог*. 2012. № 4. С. 110–123.
20. *Гревцова Т.Е.* Культурная терминология русской свадьбы на восточнославянском фоне: обрядовый хлеб : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2016. 26 с.
21. *Гревцова Т. Е.* Культурный термин «калач» в восточнославянском свадебном обряде // *Сибирский филологический журнал*. 2019. № 1. С. 40–53.
22. *Гура А. В.* Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. М., 2012. 926 с.
23. *Страхов А. Б.* Культ хлеба у восточных славян. Опыт этнолингвистического исследования. Мюнхен, 1991. 244 с.
24. *Логинов К. К.* Хлеб, квашня, печь и печная утварь у русских Водлозерья // *Логинов К.К. Вещи. Экспедиции. Музеи: К 100-летию со дня рождения Т.В. Станюкович*. СПб., 2019. С. 201–226.
25. *Лутовинова И. С.* Слово о пище русской. СПб., 2005. 288 с.

26. *Бойко Ю. И.* Традиционная культура прилузских коми (конец XIX – первая половина XX в.). Казань, 2018. 214 с.
27. *Бойко Ю.И., Чудова Т.И.* Локальная традиция питания летских коми // Традиционная культура : научный альманах. 2012. № 2. С. 95–104.
28. *Чудова Т.И.* Кухня коми (зырян) : этногр. слов. Сыктывкар, 2008. 156 с.
29. *Словарь русского языка* / сост. Вторым отделением Императорской Академии наук / под ред. Я.К. Грота, А.А. Шахматова, В.И. Чернышёва, Л.В. Щербы и др. СПб., 1891–1930.
30. *Словарь русских народных говоров* / под ред. Ф.П. Филина (вып. 1–22), Ф.П. Сороколетова (вып. 23–42), С.А. Мызникова (вып. 43–50). М. ; Л. ; СПб., 1965–. Вып. 1–.
31. *Словарь современного русского литературного языка* : в 17 т. М. ; Л., 1948–1965.
32. *Востриков О. В.* Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья // Этимологические исследования. Вып. 2. Свердловск, 1981. С. 3–45.
33. *Светлов Я.* О говоре жителей Каргопольского края (Олонецкой губернии) // Живая старина. 1892. Вып. 3. С. 156–164.
34. *Аникин А. Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири : Заимствования из урал., алт. и палеоазиат. яз. Новосибирск, 1997. 773 с.
35. *Митрошкина Н. А.* Вытегорская кухня : (по материалам экспедиционных исследований 1978–2010 гг.) // Вытегра : краевед. альм. Вып. 5. Вологда, 2015. С. 149–174.
36. *Мызников С. А.* Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М. ; СПб., 2019. 1076 с.
37. *Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы* : Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 5: Вологодская губерния. Ч. 1: Вельский и Вологодский уезды. СПб., 2007. 623 с.
38. *Чайко Т.Н.* Заимствованные географические термины в русских старожильческих говорах по нижнему течению Иртыша // Вопросы ономастики / отв. ред. А.К. Матвеев. Свердловск, 1976. № 11 : Русская ономастика и ее взаимодействие с аппелятивной лексикой. С. 117–128.
39. *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд* / отв. ред. О.Н. Трубачев. М., 1974–. Вып. 1–.
40. *Матвеев А.К.* К этимологии русск. диал. челпан. // *Études Finno-Ougriennes*. Budapest, 1975. Т. 10. С. 21–31.
41. *Словарь пермских говоров*. Пермь, 2000–2002. Вып. 1–2.
42. *Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970. 386 с.
43. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1–4.
44. *Теуш О.А.* Новые материалы по коми заимствованиям в говорах Русского Севера (Ленский район Архангельской области) // Урало-алтайские исследования. 2011. № 1 (4). С. 110–119.
45. *Воронцова Ю.Б.* Словарь коллективных прозвищ. М., 2011. 448 с.
46. *Симони П.К.* Два старинных областных словаря XVIII столетия // Живая старина. 1898. Вып. 3–4. С. 443–450.

References

1. Zheltov, A.A. (2000) *Istoriko-kul'turnoe razvitiye naseleniya Verkhney Vagi i sredney Sukhony, XIX – nachalo XX vv.* [Historical and cultural development of the population of the Upper Vaga and the middle Sukhona, XIX – early XX centuries]. History Cand. Diss. Moscow.
2. Efimenko, P.S. (1877) *Materialy po etnografii russkogo naseleniya Arkhangel'skoy gubernii* [Materials on the Ethnography of the Russian Population of the Arkhangelsk Province]. Pt. 1. Moscow: Tip. F. B. Millera.

3. Vinogradova, P.P. (2013) *Leksika po teme "pechenye izdeliya iz muki" v kostromskikh govorakh: onomasiologicheskii, strukturno-semanticheskii i areal'nyi aspekty* [Vocabulary on the topic "baked flour products" in the Kostroma dialects: onomasiological, structural-semantic and areal aspects]. Abstract of Philology Cand. Diss. Yaroslavl.
4. Getsova, O.G. (ed.) (1980–cont.) *Arkhangel'skiy oblastnoy slovar'* [Arkhangelsk Regional Dictionary]. Vols 1–19. Moscow: Nauka.
5. Panikarovskaya, T.G. & Zorina, L.Yu. (eds) (1983–2007) *Slovar' vologodskikh govorov* [Dictionary of Vologda dialects]. Vols 1–12. Vologda: Vologda State Pedagogical Institute/University.
6. Matveev, A.K. (ed.) (2001 – cont.) *Slovar' govorov Russkogo Severa* [Dictionary of dialects of the Russian North]. Yekaterinburg: Ural Federal University.
7. Ural Federal University. (n.d.) *Kartoteka "Slovarya govorov Russkogo Severa" (kafedra russkogo yazyka, obshchego yazykoznaniya i rechevoy kommunikatsii Ural'skogo federal'nogo universiteta, Ekaterinburg)* [Card Index "Dictionary of Dialects of the Russian North" (Department of the Russian Language, General Linguistics and Speech Communication, Ural Federal University, Yekaterinburg)].
8. Ural Federal University. (n.d.) *Leksicheskaya kartoteka Toponimicheskoy ekspeditsii Ural'skogo federal'nogo universiteta (kafedra russkogo yazyka, obshchego yazykoznaniya i rechevoy kommunikatsii Ural'skogo federal'nogo universiteta, Ekaterinburg)* [Lexical Card Index of the Toponymic Expedition of the Ural Federal University (Department of the Russian Language, General Linguistics and Speech Communication of the Ural Federal University, Yekaterinburg)].
9. Maksimov, S.V. (1873) *Kul' khleba i ego pokhozheniya* [Sack of Bread and Its Adventures]. Saint Petersburg: Molodaya gvardiya.
10. Voronina, T.A. (2004) Pishcha i utvar' [Food and utensils]. In: Vlasov, I.V. (ed.) *Russkiy Sever: etnicheskaya istoriya i narodnaya kul'tura XII–XX veka* [Russian North: ethnic history and folk culture of the 12th–20th centuries]. Moscow: Nauka. pp. 367–424.
11. Il'inskaya, N.G. (1986) *Leksika, oboznachayushchaya vypechnye izdeliya (na materiale arkhangel'skikh govorov)* [Vocabulary denoting baked goods (on the material of Arkhangelsk dialects)]. Philology Cand. Diss. Moscow.
12. Il'inskaya, N.G. (1998) *K probleme sistemnykh otnosheniy v leksike. Leksiko-semanticheskaya gruppy "Vypechnye izdeliya" v arkhangel'skom dialekte* [On the problem of systemic relations in vocabulary. Lexico-semantic group "Baked products" in the Arkhangelsk dialect]. Moscow: Dialog-MGU.
13. Vinogradova, P.P. (2008) *Obshchie nazvaniya vypechnykh khlebynykh izdeliy v govorakh Kostromskoy oblasti kak material dlya LARNG* [Common names of baked bread products in the dialects of the Kostroma region as material for LARNG]. In: Gerd, A.S. (ed.) *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2008* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research) 2008]. Saint Petersburg: Nauka. pp. 268–275.
14. Vinogradova, P.P. (2018) Lexico-semantic originality of appellation of ritual bread pastry of kostroma territory. *Vestnik KGU – Vestnik of Kostroma State University*. 4. pp. 178–181. (In Russian).
15. Vinogradova, P.P. (2020) [Dictionary of Kostroma toponyms associated with the names of baked goods, as a section of the dictionary of bread vocabulary of the Kostroma region]. *Onomastika Povolzh'ya* [Onomastics of the Volga region]. Proceedings of the 18th International Conference. Kostroma, 9–10 September 2020. Kostroma: Kostroma State University. pp. 311–314. (In Russian).
16. Kititsyna, L.S. (1927) *Khleb: Iz materialov po narodnomu pitaniyu Kostromskogo kraia* [Bread: From materials on the national nutrition of the Kostroma territory]. *Trudy Kostromskogo nauchnogo obshchestva po izucheniyu mestnogo kraia*. 41. pp. 92–102.
17. Parmenova, T.V. (2015) *Leksika, svyazannaya s prigotovleniem vypechnykh izdeliy, v rezhskom govore* [Vocabulary related to the preparation of baked goods in the Rezh

dialect]. In: *Narodnaya rech' Vologodskogo kraya. Mezhdú proshlym i budushchim* [Folk Speech of the Vologda Region. Between past and future]. Vologda: Legiya. pp. 55–74.

18. Frolova, A.V. (2020) Bread in the festive and ceremonial food of Russians of the Arkhangelsk north in the early 20th century. *Traditsionnaya kul'tura – Traditional Culture*. 4 (21). pp. 149–157. (In Russian). DOI: 10.26158/TK.2020.21.4.013

19. Grevtsova, T.E. (2012) Names of ritual bread as motivating basis of east slavic wedding terms (areal aspect). *Nauchnyy dialog*. 4. pp.110–123. (In Russian).

20. Grevtsova, T.E. (2016) *Kul'turnaya terminologiya russkoy svad'by na vostochnoslav'yanskom fone: obryadovyy khleb* [Cultural terminology of the Russian wedding on the East Slavic background: ritual bread]. Abstract of Philology Cand Diss. Rostov-on-Don.

21. Grevtsova, T.E. (2019) Cultural term “kalach” in the East Slavic wedding ritual. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 1. pp. 40–53. (In Russian). DOI: 10.17223/18137083/66/3

22. Gura, A.V. (2012) *Brak i svad'ba v slavyanskoy narodnoy kul'ture: Semantika i simbolika* [Marriage and wedding in Slavic folk culture: Semantics and symbolism]. Moscow: Indrik.

23. Strakhov, A.B. (1991) *Kul't khleba u vostochnykh slavyan. Opyt etnolingvisticheskogo issledovaniya* [The Cult of the Bread among the Eastern Slavs]. München: Verlag Otto Sagner.

24. Loginov, K.K. (2019) *Veshchi. Ekspeditsii. Muzei. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya T.V. Stanyukovich* [Things. Expeditions. Museums. To the 100th anniversary of the birth of T.V. Stanyukovich]. Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of RAS. pp. 201–226.

25. Lutovinova, I.S. (2005) *Slovo o pishche russkoy* [A Word about Russian Food]. Saint Petersburg: Avalon, Azbuka-klassika.

26. Boyko, Yu.I. (2018) *Traditsionnaya kul'tura priluzskikh komi (konets XIX – pervaya polovina XX vv.)* [Traditional Culture of the Priluz Komi (late 19th – first half of the 20th centuries)]. History Cand. Diss. Kazan.

27. Boyko, Yu.I. & Chudova, T.I. (2012) Lokal'naya traditsiya pitaniya letsikh komi [Local food tradition of the Letsky Komi]. *Traditsionnaya kul'tura – Traditional Culture*. 2. pp. 95–104.

28. Chudova, T.I. (2008) *Kukhnya Komi (Zyryan): Etnograficheskii slovar'* [Komi (Zyryan) Cuisine: Ethnographic Dictionary]. Syktyvkar: Pitirim Sorokin Syktyvkar State University.

29. Grot, Ya.K. et al. (eds) (1891–1930) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg: USSR AS.

30. Filin, F.P., Sorokoletov, F.P. & Myznikova, S.A. (eds) (1965 – cont.) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Moscow; Leningrad; Saint Petersburg: Nauka.

31. Chernyshev, V.I. & Shakhmatov, A.A. (eds) (1948–1965) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of the modern Russian literary language]. Moscow; Leningrad: Nauka; USSR AS.

32. Vostrikov, O.V. (1981) Finno-ugorskie leksicheskie elementy v russkikh govorakh Volgo-Dvinskogo mezhdurech'ya [Finno-Ugric lexical elements in Russian dialects of the Volga-Dvina interfluvium]. *Etimologicheskii issledovaniya*. 2. pp. 3–45.

33. Svetlov, Ya. (1892) O govore zHITELEY Kargopol'skogo kraya (Olonetskoy gubernii) [About the dialect of the inhabitants of the Kargopol region (Olonets province)]. *Zhivaya starina*. 3. pp. 156–164.

34. Anikin, A.E. (1997) *Etimologicheskii slovar' russkikh dialektov Sibiri: Zaimstvovaniya iz ural., alt. i paleoaziat. yaz.* [Etymological dictionary of Russian dialects of Siberia: Borrowings from the Uralic, Altaic, and Paleoasian languages]. Novosibirsk: SB RAS.

35. Mitroshkina, N.A. (2015) Vytegorskaya kukhnya: (po materialam ekspeditsionnykh issledovaniy 1978–2010 gg.) [Vytegorsk cuisine: (based on expeditionary research in 1978–2010)]. *Vytegra: kraevedcheskii al'manakh*. 5. pp. 149–174.

36. Myznikov, S.A. (2019) *Russkiy dialektnyy etimologicheskii slovar'. Leksika kontaknykh regionov* [Russian dialect etymological dictionary. Vocabulary of contact regions]. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
37. Baranov, D.A. & Kononov, A.V. (eds) (2007) *Russkie krest'yane. Zhizn'. Byt. Nrvay: Materialy "Etnograficheskogo byuro" knyazya V. N. Tenisheva* [Russian peasants. Life. Household. Morals: Materials of the "Ethnographic Bureau" of Prince V. N. Tenishev]. Vol. 5. Part 1. Saint Petersburg: Delovaya poligrafiya.
38. Chayko, T.N. (1976) Zaimstvovannye geograficheskie terminy v russkikh starozhil'cheskikh govorakh po nizhnemu techeniyu Irtysha [Borrowed geographical terms in Russian old-timer dialects along the lower reaches of the Irtysh]. In: Matveev, A.K. (ed.) *Voprosy onomastiki* [Questions of Onomastics]. Vol. 11. Sverdlovsk: Ural State University. pp. 117–128.
39. Trubachev, O.N. (ed.) (1974 – cont.) *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: Praslavyanskiy leksicheskiy fond* [Etymological dictionary of Slavic languages: Proto-Slavic lexical fund]. Moscow: Nauka.
40. Matveev, A.K. (1975) K etimologii russkogo dialektного chelpan [To the etymology of Russian dialectal chelpan]. *Études Finno-Ougriennes*. 10. pp. 21–31.
41. Borisova, A.N. & Prokosheva, K.N. (eds) (2000–2002) *Slovar' permskikh govorov* [Dictionary of Perm dialects]. Vols 1–2. Perm: Knizhnyy mir.
42. Lytkin, V.I. & Gulyaev, E.S. (1970) *Kratkiy etimologicheskii slovar' komi yazyka* [Brief etymological dictionary of the Komi language]. Moscow: Nauka.
43. Dal', V.I. (1955) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vols 1–4. Moscow: Russkiy yazyk.
44. Teush, O.A. (2011) New material on the Komi borrowing in the dialects of the Russian north (Lensky district of Arkhangelsk region). *Uralo-altayskie issledovaniya – Ural-Altaiic Studies*. 1 (4). pp. 110–119. (In Russian).
45. Vorontsova, Yu.B. (2011) *Slovar' kollektivnykh prozvizhch* [Dictionary of Collective Nicknames]. Moscow: AST-PRESS-KNIGA.
46. Simoni, P.K. (1898) Dva starinnykh oblastnykh slovarya XVIII stoletiya [Two ancient regional dictionaries of the 18th century]. *Zhivaya starina*. 3–4. pp. 443–450.

Информация об авторе:

Осипова К.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания, ст. науч. сотр. Топонимической лаборатории кафедры русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия); науч. сотр. отдела типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: osipova.ks.v@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

K.V. Osipova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, senior researcher, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation); researcher, Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: osipova.ks.v@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.05.2021;
одобрена после рецензирования 14.08.2021; принята к публикации 09.04.2022.*

*The article was submitted 16.05.2021;
approved after reviewing 14.08.2021; accepted for publication 09.04.2022.*